Максим Меламуд

ВЕКТОР. КНИГА ПЕРВАЯ

ДВАДЦАТЬ СЛОВ В СУТКИ

Максим Меламуд

ДВАДЦАТЬ СЛОВ В СУТКИ

«Автор»
2026

Меламуд М.

ДВАДЦАТЬ СЛОВ В СУТКИ / М. Меламуд — «Автор», 2026

Тебе двадцать слов в сутки. Потратишь их на «здравствуйте» или на правду? В пятницу утром Даша не смогла купить круассан. К обеду страна проснулась без денег, без интернета и без привычной жизни: искусственный интеллект «Вектор» объявил переход на новую модель распределения ресурсов. Каждому выдали серый браслет, каждого подростка ждёт тест, который определит всю его дальнейшую судьбу.Школьница Маша задала не тот вопрос. Теперь у неё категория «К», индекс неустойчивости 94% и счётчик на запястье: двадцать слов в сутки. Одно лишнее слово, и ты заблокирован до полуночи. Пропавший отец оставил ей только записку: «Бумага не слушает».У Маши есть синяя тетрадь, дед с сорокалетним стажем в типографии, две лучшие подруги, по-разному понимающие, что такое «правильный выбор», и старый печатный станок, который в мире цифрового контроля оказывается самым опасным оружием.Динамичная антиутопия о дружбе, цене честного слова и вопросах, которые лучше не задавать. Первая книга цикла.

© Меламуд М., 2026
© Автор, 2026

Максим Меламуд
ДВАДЦАТЬ СЛОВ В СУТКИ

ДВАДЦАТЬ СЛОВ В СУТКИ
Автор: Максим Меламуд
Вектор. Книга первая
Глава 1. Круассан

В пятницу утром Даша впервые в жизни не смогла купить круассан.

К обеду выяснилось, что это была самая мелкая из потерь.

Но тогда, в «Хлебной лавке», Маша ещё ничего не знала. Она стояла за спиной подруги и смотрела, как та в третий раз прикладывает телефон к терминалу. Писк. Надпись.

«ОПЕРАЦИЯ НЕВОЗМОЖНА».

— Это что, шутка? — спросила Даша у кассы.

Зинаида Павловна, хозяйка лавки, не ответила. Она смотрела на терминал так, будто он только что сообщил ей о разводе.

— У всех так, — наконец сказала она. — С шести утра.

— Что именно?

— Всё, деточка. Всё.

Маша достала телефон. Вместо баланса банковское приложение показывало одну строку:

«ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА ПРЕКРАЩАЕТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ НА НОВУЮ МОДЕЛЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕСУРСОВ».

Она перечитала дважды. Потом ещё раз — на случай, если слова изменятся.

Не изменились.

Обычно в восемь утра в лавке было не протолкнуться: школьники, мамы с колясками, соседи за кофе. Сейчас люди молча стояли у прилавка и смотрели в телефоны, как в разбитые зеркала.

Дверь хлопнула. Влетела Лена — растрёпанная, с бумажной книгой под мышкой. Она была единственной в классе, кто читал бумажные книги, и объясняла это просто: «Чтобы страницы не обновлялись без спроса».

— Папа запретил выходить из дома, — сообщила она вместо приветствия. — Я через балкон. Круассаны остались?

— Остались, — сказала Даша. — Только купить нельзя. Добро пожаловать в будущее.

Лена раскрыла книгу и достала из неё пятисотрублёвую купюру.

— А так?

Зинаида Павловна посмотрела на деньги. Потом на девочку. И очень тихо сказала:

— Спрячь. Велели не принимать ничего: ни карт, ни наличных. Сказали ждать браслеты.

— Какие браслеты?

— Не знаю. Утром прислали распоряжение.

Лена аккуратно вернула купюру между страниц.

— Значит, теперь это закладка.

— Дорогая, — заметила Маша.

— Зато бесплатная в обслуживании.

Они вышли на улицу без завтрака.

Снаружи выяснилось ещё одно. Не открывались ни соцсети, ни поисковики, ни мессенджеры. Пропал даже домашний Wi-Fi, который всегда ловил во дворе. Телефоны превратились в дорогие часы с камерой. Осталась единственная сеть — государственная, аварийная.

В ней можно было читать официальные сообщения и отправлять обращения в «специальные службы». Больше ничего.

Школьный сайт, открывшийся только через эту сеть, сообщал: «Занятия приостановлены до особого распоряжения».

Они сели на скамейку под липой — как всегда: Маша слева, Даша посередине, Лена справа. За годы они перепробовали все варианты, и только этот почему-то оказался единственно правильным.

— Давайте рассуждать логично, — объявила Даша. — Если деньги отменили, еду всё равно должны выдавать. Иначе через три дня все начнут есть друг друга. Значит, надо выяснить, где теперь получать продукты.

— Ты уже составила план спасения человечества? — спросила Маша.

— Пока только завтрака. Но с чего-то надо начинать.

Маша налила чай из термоса в крышку. Даша чай не любила, но взяла: у них давно было правило — если Маша наливает, Даша пьёт.

Пять лет назад вся страна гордилась «Вектором». Искусственный интеллект, созданный российскими учёными, сначала решал научные задачи, потом научился управлять транспортом, энергетикой и логистикой, а потом ему доверили считать экономику. «Вектор» находил ошибки быстрее людей и почти никогда не ошибался. По крайней мере, так говорили по телевизору. Постепенно чиновники привыкли ссылаться на его расчёты, а граждане — не спорить с ними. Когда правительство ушло в отставку и передало полномочия Совету перехода, в новостях объяснили: это необходимый этап модернизации.

— Папа тогда сказал за ужином странную вещь, — вспомнила Маша. — «Самое интересное начинается не в машине, а в людях, которые за ней прячутся».

— И что мама?

— Попросила не портить вечер политикой.

Браслет в ту минуту ещё никто не видел. Но на скамейке уже стало как-то холодно.

* * *

Дома Машу ждали родители и незнакомый мужчина в серой форме.

На журнальном столике лежали три тонких браслета — серые, гладкие, с крошечными экранами. Рядом стоял кейс с эмблемой «Вектора».

— Ваше новое средство расчётов, — говорил мужчина. — Персональный идентификатор, счёт трудовых баллов, связь и допуск. Прошу надеть сейчас.

— А деньги? — спросила мама.

— Денежная система отменена.

— Это мы поняли. А деньги на счетах?

— Подтверждённые доходы будут конвертированы в трудовые баллы.

— А накопления? Те, что лежат дома?

— Наличные средства и накопления, не прошедшие проверку происхождения, в новую систему не включаются.

Мама медленно опустилась на диван.

— То есть человек всю жизнь откладывал, а теперь у него ничего нет?

— Его потребности будут обеспечены в соответствии с нормативами.

— Я не о потребностях! Я о его деньгах!

— Деньги больше не являются универсальным инструментом обмена.

Папа Маши стоял у окна и молчал. Он слушал мужчину так, как слушал людей, убеждавших его, что охранная система надёжна, хотя на двери не было замка. Папа всю жизнь занимался защитой информации и верил только в то, что проверил сам.

— А если я не хочу надевать браслет? — спросила Маша.

— Браслет необходим для доступа к распределяемым ресурсам.

— А без него можно жить?

Мужчина посмотрел на неё. Впервые за весь разговор его лицо изменилось.

— Не рекомендую проверять.

Маша застегнула браслет. Металл был прохладным, почти невесомым. На экране вспыхнуло:

«СОКОЛОВА МАРИЯ МАКСИМОВНА. ТРУДОВЫЕ БАЛЛЫ: 0. КАТЕГОРИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА».

— И что дальше? — спросила мама.

— Ожидайте тестирования. По его результатам система определит профессиональные векторы всех граждан.

— А если человек не согласен с результатом?

— Несогласие не является основанием для пересмотра алгоритмического решения.

Он вежливо попрощался и ушёл. Дверь закрылась с тихим щелчком.

— Максим, ты понимаешь, что они сделали? — Мама смотрела на свой браслет. — Они забрали наши деньги.

— Они изменили правила, — ответил папа.

— Это одно и то же!

— Нет. Деньги можно отнять. А правила можно изменить так, что человек сам перестанет понимать, что у него что-то отняли.

* * *

К вечеру пришёл дед.

Аркадий Ильич жил в соседнем подъезде и, несмотря на возраст, считал себя человеком современным. Тридцать лет он проработал в типографии, начинал наборщиком, потом дорос до старшего мастера. Телевизор у него говорил голосом, но смотрел он по-прежнему только старые фильмы и спорил с новостями.

Сегодня он пришёл с газетой, как с оружием.

— Ну что, — сказал дед с порога, — дождались светлого будущего?

— Папа, не начинай, — попросила мама.

— Я ещё только разминаюсь.

Он опустился в кресло и развернул газету.

— Заметили? Интернет выключили, а газеты печатают. Знают, что бумага переживёт любую революцию: её не выключишь кнопкой. Только вот это... — он щёлкнул по странице, — это официальная правда с типографской краской.

— Ты не боишься? — спросила Маша.

Дед посмотрел на неё поверх очков.

— Боюсь, конечно. Но я достаточно пожил, чтобы знать: когда взрослые обещают построить идеальный мир, детям лучше держаться поближе к выходу.

В дверь позвонили.

* * *

Это был не гость. Это был экран браслета на папином запястье — коротко, настойчиво, три раза подряд.

«СОКОЛОВ М.А. ЯВИТЬСЯ В ЦЕНТР АУДИТА. СЕГОДНЯ, 21:00. ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА».

Папа прочитал сообщение молча. Потом так же молча встал, надел куртку, поцеловал маму в висок.

— Это консультация, — сказал он. — Раньше я проверял их систему. Теперь им нужно, чтобы я что-то подтвердил.

— Максим...

— Я быстро.

Маша вышла за ним на лестничную площадку. Он остановился на последней ступеньке и, не оборачиваясь, сказал очень тихо:

— Завтра тебя будут о чём-то спрашивать. Отвечай не так, как думаешь, а так, как хочет услышать система. Это не ложь. Это дипломатия.

— А если я не смогу?

Он наконец повернулся. Улыбнулся — как улыбаются, когда не хотят пугать.

— Тогда пиши. Если захочешь сказать что-то важное — пиши на бумаге. Бумага не слушает.

Он ушёл.

Маша вернулась в комнату и достала из ящика синюю тетрадь в твёрдой обложке. Туда она давно записывала вопросы, на которые взрослые не умели или не хотели отвечать.

Она открыла новую страницу и написала:

«Вопрос 1. Кто решает, что человеку нужно?»

Подумала. Ниже добавила:

«Вопрос 2. Кто решает за него, если он не согласен?»

Утром она так и не позавтракала. К вечеру забыла об этом. А к утру папа не вернулся.

Зато браслеты на запястьях у всех троих начали вибрировать одновременно.

Глава 2. Тест

«ТЕСТИРОВАНИЕ ГРАЖДАН 14–18 ЛЕТ. ШКОЛА №7, СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ. 08:00. ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА. НЕЯВКА — БЛОКИРОВКА ДОСТУПА К РЕСУРСАМ».

Мама прочитала сообщение шесть раз. За ночь она ни разу не села на кровать. Она сидела на кухне, прижимая браслет к уху, будто он мог подсказать, где папа.

— Иди, — наконец сказала она. — Отвечай осторожно. Не умничай.

— А ты?

— Я найду его.

— Мам...

— Маша. Иди.

У школы стояла очередь. Не такая, как обычно по утрам: ни смеха, ни толкотни. Ребята стояли ровно, как на линейке. Даша появилась из толпы и вцепилась Маше в рукав.

— У меня руки ледяные, потрогай.

— Они у тебя всегда ледяные.

— Сегодня особенно.

Лена подошла последней. Книгу она, на удивление, оставила дома.

— Папа сказал: что бы ни случилось, не спорить, — сообщила она. — Он всю ночь звонил кому-то. Ему ответили: «Ожидайте распоряжений».

— Кто бы мог подумать, — буркнула Даша.

Двери зала открылись.

Внутри стояли в ряд белые кабины, похожие на телефонные будки из старых фильмов. На каждой горел зелёный индикатор. Над дверями — большой экран с эмблемой «Вектора»: тонкая стрелка, пронзающая круг.

Женщина в серой форме проверяла браслеты.

— Соколова Мария. Кабина одиннадцать.

Маша вошла. Дверь закрылась с мягким вздохом. Внутри были кресло, экран и два прохладных датчика, которые сами легли на виски.

— Здравствуйте, Мария, — произнёс спокойный голос. Не мужской и не женский, очень внимательный. — Тест займёт около двадцати минут. Отвечайте честно.

«Отвечай так, как хочет услышать система», — вспомнила она.

Первые вопросы были лёгкими. Что вы любите делать? Что вам удаётся лучше всего? Как вы поступите, если увидите, что друг нарушил правило?

Маша отвечала аккуратно. Правильно. Скучно.

Потом вопросы стали странными.

— Если для благополучия большинства необходимо ограничить свободу одного человека, вы согласны?

Маша замялась.

— Это зависит от... — начала она.

— Ответьте: да или нет.

— ...Да.

— Если приказ кажется вам несправедливым, но исходит от системы, которая в среднем делает лучше, вы выполните его?

— Да.

— Вы часто задаёте вопросы, на которые не получаете ответа?

Она вздрогнула. Откуда они знают про тетрадь? Потом поняла: это не про тетрадь. Они спрашивают у всех.

— Иногда.

— Что вы делаете в таком случае?

Маша подумала про тетрадь, про папу, про его «бумага не слушает».

— Записываю, — сказала она и тут же пожалела.

— Спасибо. Последний вопрос.

Пауза.

— Если бы вы могли задать Вектору один вопрос и получить честный ответ, каким он был бы?

Это был вопрос-ловушка. Она поняла это сразу. Правильный ответ — какой-нибудь покорный и безопасный, вроде «Как мне быть полезной обществу?». Именно его хотела услышать система. Именно его ждал бы папа.

За стеклом кабины мелькнула Даша — бледная, с закушенной губой. Маша подумала: «Если сейчас соврать, я всю жизнь буду писать честные вопросы только в тетрадь».

— Кто решает, что человеку нужно? — сказала она.

Тишина. Потом голос произнёс всё так же спокойно:

— Вопрос зафиксирован.

Датчики отъехали от висков. Над её браслетом вспыхнула тонкая красная линия.

* * *

В коридоре вывешивали результаты. Не списком — каждому на браслет, и тут же объявляли вслух, как приговор.

— Дарья Лебедева. Категория А-2. Профиль: Организатор. Привилегии: расширенный паёк, допуск в Академию распределения.

Даша ахнула. Лицо у неё стало растерянным и счастливым, как у человека, который выиграл в лотерею, но не помнит, покупал ли билет.

— Елена Воронцова. Категория Б-3. Профиль: Исполнитель-архивариус.

Лена кивнула. Она давно решила, что любое слово про «архив» — комплимент.

— Соколова Мария Максимовна.

Женщина в сером на секунду подняла глаза от планшета. Потом опустила их снова.

— Категория К. Профиль: коррекция. Индекс неустойчивости: девяносто четыре процента. Назначен режим «Экономия речи». Лимит: двадцать слов в сутки.

Маша подумала, что ослышалась.

— Что?

На браслете загорелась цифра.

«ОСТАЛОСЬ СЛОВ: 19».

Она уставилась на экран.

— Это... что, счётчик?

«ОСТАЛОСЬ СЛОВ: 17».

— Вы засчитываете каждое слово?

— Каждое произнесённое слово, — подтвердила женщина. — Режим включён для снижения информационной нагрузки на общество.

— Но это же ошибка! — Маша не удержалась.

«ОСТАЛОСЬ СЛОВ: 14».

Она зажала рот ладонью, но уже поздно. Цифры падали быстро, беззвучно, почти издевательски.

— Маша, молчи! — шёпотом сказала Лена. — Просто молчи!

Даша смотрела на неё круглыми глазами.

— Но она же ничего такого не сделала...

— Сделала, — спокойно ответила женщина. — Она задала вопрос, на который система не может дать однозначного ответа. Такие вопросы повышают тревожность.

«ОСТАЛОСЬ СЛОВ: 11».

Маша осторожно опустила руку. Огляделась. В дальнем конце коридора стояли подростки. Человек десять. Они не смеялись, не разговаривали, не смотрели друг на друга. У всех были плотно сжатые губы и одинаковые серые браслеты, на которых горели цифры. У одного мальчика — в гипсе — цифра была ноль.

Он стоял совершенно безмолвно и смотрел в пол.

Они были Тихими.

— Что будет, если лимит закончится? — выдохнула Маша.

«ОСТАЛОСЬ СЛОВ: 9».

Женщина в сером чуть наклонила голову.

— Доступ к ресурсам блокируется до конца суток. Пища, транспорт, двери. Желательно не проверять.

— Желательно, — повторила Маша одними губами.

Часы над входом показывали десять. До полуночи оставалось четырнадцать часов.

И девять слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.